

Айгүл

Жетелбаева

ПРЕДТЕЧА «ОКАЯННЫХ ДНЕЙ»

*О постановке «Вишневого сада»
в казахском театре «Каллеки»*

Плодотворные творческие годы и уход из жизни Антона Павловича Чехова (1860–1904) почти совпадают с соответствующей хронографией Абая (1845–1904). Оба гения искренне любили свой народ и всей душой болели за него, и эта святая боль нашла отражение в их творчестве. Оба творца обращались к жизни реальных людей, чей кризисный тип сознания весьма характерен для рубежа веков, для угнетенного народа. Скептицизм, сатира, пессимизм и, тем не менее, вера в будущее собственного народа сближают взгляды классиков-гуманистов.

Говоря об их современности и востребованности, заметим, что пальма первенства в экранизации произведений великих русских писателей, безусловно, принадлежит Льву Толстому. Но и экранизация чеховской прозы обогатила кинематограф настоящими шедеврами Р. Балаяна, Н. Михалкова, Э. Лотяну и др. И по-прежнему нерушима театральная империя Чехова.

Имеет опыт работы с наследием самого знаменитого в мире русского драматурга и столичный Государственный академический казахский музыкально-драматический театр им. К. Куанышбаева, где мне довелось несколько лет быть завлитчастью. (Заметим для русского читателя, что актера Калибека Куанышбаева, чье имя носит театр, коллеги называли по-свойски Каллеки. Так и утвердилось в казахской прессе сокращенное название: театр «Каллеки».) На его сцене известный российский режиссер Сергей Потапов поставил «Вишневый сад» А. П. Чехова, комедию, как определял ее жанр сам автор, которая по сути подвела итог не только творчеству великого писателя, но и всему XIX столетию, именуемому золотым веком русской литературы.

Прославленного якутского режиссера, лауреата Национальной театральной премии «Золотая маска» Сергея Потапова пригласил директор казахского театра Айболат Сексенбаев, высоко оценивший его творческие искания, особенный художнический почерк на театральном фестивале в Казани. Художественный руководитель, народный артист Казахстана Талгат Теменов верно отметил, что новизна постановки «Вишневого сада» станет некоей вехой в истории театра.

Творческий коллектив сплоченно поработал над этим спектаклем (сценография Берика Бурбаева, художник по костюмам Ханум Айдаш, заслуженный деятель РК). Информационным партнером театра выступила международная группа компаний «ЭПЛ Даймонд» в лице ее представителя Валентины Слепцовой, что также способствовало успеху спектакля.

Антон Павлович Чехов с середины XIX века заполнил собой целую эпоху в истории русской драматургии. При кажущейся абсурдности всего происходящего на сцене, Потапов сумел передать лихорадочно точно и тонко безысходность возникших жизненных коллизий, душевную смуту и неизбежную тоску чеховских персонажей. Хотя спектакль, возможно, не всеми был воспринят на «ура». Неистребимая косность реального бытия, непреодолимое тяготение социального зла над человеком у Потапова оборачиваются фейерверком неуправляемых эмоций и беспокойной нервозностью героев. Он поставил эту лебединую песню Чехова «вверх дном», хаотично, однако иррационально смог достичь главной цели: Потаповым верно уловлена суть этой трагикомедии, которая выходит за границы одного обнищавшего семейства и дорастает до общечеловеческих высот. Чехов, как Гоголь и Достоевский, был великомучеником, все они выступали карателями в разоблачении человеческой глупости. Кстати, Бернард Шоу также развивает традиции Чехова в драме «Дом, где разбиваются сердца» (1917).

Главная тема у Чехова – иссякающие духовные связи с родной землей, утеря навыков жить в гармонии с окружающим миром, дееспособности к созидательной силе труда. Причины неладов кроются в изначальной несправедливости: «Вся Россия наш сад. Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест. Подумайте, Аня, ваш дед, прадед и все ваши предки были крепостники, владевшие живыми душами, и неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов... владеть живыми душами – ведь это переродило всех вас, живших раньше и теперь живущих, так что ваша мать, вы, дядя, уже не замечаете, что живете в долг, на чужой счет, на счет тех людей, которых вы не пускаете дальше передней...», – так осуждающе говорит Петя Трофимов Ане, дочери Раневской. Недаром в христианской иконографии вишню (согласно Энциклопедии символов, составитель В. М. Рошаль) иногда изображают вместо яблока как плод с древа познания добра и зла. «И глаз огромной черной вишней / С багряно-поздней позолотой / Смотрел недвижно» (В. Нарбут).

«Живёте в долг, на чужой счет» – чужую жизнь заедаете... Это ли не выражение высшего гуманизма русского писателя, воплотившего в пьесе и гоголевскую боль «Мертвых душ». В этом Чехов нам очень близок, в нем видится духовное начало традиционного казахского мировоззрения, великодушия, присущего нашему народу. У Актанберды жырау есть строчки милосердия: «Раба одеть бы как сына», верный признак светлого и сострадательного восприятия мира. Есенин пророчески пишет о будущем: «В сад зари лишь одна стезя, / Сгложет рощи октябрьский ветер, / Все познать, ничего не взять / Пришел в этот мир поэт». Сущая правда. Сергей Залыгин недаром именует Чехова поэтом, посвятив ему книгу-эссе «Мой поэт» (1969). Именно писатели ищут на земле примирения между низменным материальным началом и началом духовным.

Постановщик Сергей Потапов, жаль, упустил это ключевое место в пьесе, где говорится о последующем возмездии за рабство, расплате потомков за грехи

отцов и где стойкий скептицизм окрашивается в страдальческий трагизм. Нельзя не ощутить бездну душевной тоски самого писателя, как следствие отсутствия воли к самореализации у его героев, утраты ими жизнеспособности. Но в то же время брезжит в их душах слабый луч надежды на возрождение высоких стремлений. Вырубка лесных ли, вишневых угодий в произведениях Чехова символизирует потерю корней и деградацию общества. Ведь в обреченности, жалкости и ничтожности чеховских героев виноваты не только они сами, но и окружающее их невежественно-тупое общество.

Образ вечного студента Трофимова близок к блаженному, дервишу, страннику – олицетворению блуждания человеческой души в поисках лучшей доли. Гибель вишневого сада свидетельствует о крушении старого уклада и социальных устоев, вырождении и вымирании дворянского сословия, замене старинных ценностей, начале кардинальных изменений, зарождении буржуа, а вместе с ними и рабочего класса. Однако очень скоро как гром с неба грянет революция, воспринимаемая И. А. Буниным, считавшим Чехова своим учителем, близким другом по духу, как «окаянные дни» в истории России.

Дурное предчувствие теснит грудь Чехова, герои «Вишневого сада» мечутся в бессоннице. Порой они чудовищно многословны, несут всякую чушь, и при этом каждый из них одинок в своей горькой участи – это девица Шарлотта без рода и возраста, дряхлый Фирс, бывший крепостной, до смерти преданный старому отжившему укладу, приемная дочь Раневской Варя... Они все живут будто в изоляции, находясь рядом, друг друга почти не слышат и не видят. На них лежит страшная печать отчаяния лермонтовского толка, проклятие времени, преобладающий признак которого в переломные моменты социального развития истории – удушающая бездеятельность.

Режиссер-постановщик в своем постижении человеческой природы пытается опрометчивостью поступков героев шокирующе обнажить изнанку жиз-

ни, остающуюся вне поля нашего зрения. Спектакль оттого получился порой гротескно мрачным, сквозь смех просачивались горькие слезы, как в лирике у Н. Гумилева: «Войди сюда, в сады моих томлений...»

Но режиссер вовсе и не должен открыто, как облупленное яичко, доносить до зрителя скрытую идею, замысел драматурга. Он дает зрителю возможность в земных превратностях судеб героев остро ощутить их боль, посредством трагикомических элементов на сцене раскрывая их душевную пытку. С. Потапову удалось двойное освещение событий – внешних и внутренних. Драма великих художников обычно требует от всякого режиссера сосредоточения исключительно на внутреннем действии, психологически определяющем внешнюю событийную картину.

Актеры казахского театра им. К. Куанышбаева воссоздали на сцене максимальную достоверность чеховской эпохи, хотя представляли в одеянии не совсем соответствующем, а в пьесе многое «опущено», спрятано под диалогом.

Возможно, в этой комедии Чехов описывал себя, свое душевное потрясение перед лицом суровой реальности, крушение иллюзий под гнетом бедности, человеческую незащищенность в неустроенном мире, воздействие мытарств на характер людей, свой неумолимый сплин в конце жизни, некую предопределенность неизбежного разрушительного конечного тупика. Этому способствовало и само время, когда русское общество и государство переживало кризис во всех областях жизни.

Но какие бы ни наступали времена, нужно отметить, чеховские типажи почти бессмертны, несмотря на то, что духовный облик их порой ничтожен; главная истина в том, что они живут в каждом из нас, всечеловеческое присутствует в характере каждого его персонажа.

В имени помещицы Раневской царит смута, надвигающийся разлад. С таким посылом, подобным же образом, Потапов осуществляет постановку, где очевидно разрушается внешняя связь между репликами и действием, как бы немотивированными паузами и пространными монологами. Главным становится весьма характерное для Чехова преимущество подтекста, приема «подводных течений»; у гениального драматурга часто подтекст более значителен, чем сам текст, что на сцене выразить довольно сложно. Лейтмотивом пьесы стало ущербное душевное состояние растерянных героев. Как раз эта особенность дала возможность в полной мере раскрыться актерскому дару каждого участника спектакля. Ведь о Чехове справедливо замечено, что он мастер прятать глубокий смысл за незначительными деталями.

В драматургии Чехова нет однозначных героев, их нельзя разделять на положительных и отрицательных. Казахским актерам удалось передать на сцене эту необычность. Нелепые или тупиковые моменты в развитии действия акцентированы режиссером многоголосым шумом, как бы отражающим бессильную ярость. По настоянию режиссера персонажи переименованы на казахский манер, не в ущерб великому автору, а всего лишь подчеркивая его международный статус, близость евразийскому духу.

В главной роли Любови Андреевны Раневской выступила молодая, талантливая, яркая актриса Акмарал Танабаева, лауреат фестиваля «Золотой Витязь – 2015». Трагически безволен Гаев, брат Раневской, его пустословие, высокопарность типично чеховские («Камышев ест и, по обыкновению, празднословит».

А. П. Чехов, «Драма на охоте»); он всегда держит палку, как воображаемый кий, и им подкатывает шары, не ходит без жестянки с монпансье. Отстраненность Гаева от реальной жизни и обозначается бильярдоманией, он из категории «лишних людей». Кстати, в начале XIX века слово «бильярд» хотели заменить на «шарокат», а кий назвать «шаропех». Заслуженный деятель искусств республики Куандык Кыстыкбаев в роли Гаева доподлинно передал его болезненное осознание собственной несостоятельности, его страх перед жизнью.

Полная противоположность Гаеву – Лопахин, человек, вышедший из низших слоев общества. Он самый трезвый из них, «человек дела», заставляющий вспомнить как прообраз Андрея Штольца в романе «Обломов» Гончарова. Его блестяще сыграл Нуркен Отеулов, заслуженный деятель искусств республики, молодой, потенциально мощный актер. Сырым Кашкабаев, лауреат Государственной молодежной премии «Дарын», порадовал зрителей в новом амплуа – роли Епиходова.

Актерский ансамбль в этой постановке подобран на славу – Айман Аймагамбет, Жулдуз Искакова, Дастан Алимов, Шахмурат Ордабаев, Алтынгуль Серкебаева – все великолепно ужились в своих ролях.

Заслуженный артист Республики Казахстан Кенес Нурланов перевоплотился в дряхлого Фирса, человека, изначально одушевленного добротой, так что низкое положение лакея не делает его образ жалким. В роли Вари – Айшолпан Ибраева, приниженность ее статуса в семье, кротость характера и в то же время жажда жизни достоверно раскрыты актрисой.

Сквозные мотивы-символы у Чехова, все эти зонтики, калоши, трости, шали и т. д., своеобразно подчеркивают замкнутый мир героев-одиночек. И всегда многозначно велик образ сада. Поэзия запечатлевает нам его библейский священный образ: «Сад райский», «Сад ангельский», «Потерянный рай». И «Вишневый сад» стал во всем мире образом потерянного рая, краха жизненных сил и надежд. В прямом и переносном смысле величественны земные сады. «Вам завещаю я сад фруктовый / Моей великой души» (В. Маяковский). Миссию театра нужно понимать как вечное завещание великих сердец.

Крах лесов и садов под капиталистическим топором грозит и отныне. Уникальный сосновый бор между Семипалатинском и Павлодаром в новое время, на стыке веков, изрядно пострадал от хищнического воровства. Варварское отношение к живой природе наказуемо ужасными последствиями, свидетелями которых мы уже становимся, а в будущем дилемма лес – пустыня грозит стать поворотной в судьбе всего человечества, предтечей новых «окаянных дней».

